Павел Степанцов

Предисловие редактора-составителя

Уильям Аутвейт в своей работе «Новая философия социальной науки» (Outhwaite, 1987), утверждает, что теоретическая социология подобна бегуну, который делает мощный рывок на старте, потом возвращается и внимательно осматривает стартовые колодки. Приводя такое сопоставление, Аутвейт намекает на то, что большинство теоретических дискуссий в социальной науке строятся вокруг тех вопросов, которые были поставлены в «классический» период становления социальной мысли.

К таким классическим проблемам можно с уверенностью отнести вопрос о возможности социального порядка, который в социальной теории так или иначе сводится к вопросу о соотношении норм и действий, правил и практик. Иногда кажется, что эти проблемы уходят с авансцены теоретической социальной мысли, наступают периоды затишья, когда возникает более или менее общий консенсус относительно этих вопросов, «классики» занимают свои места в отведенных им классификациях, встраиваются в те или иные теоретические подходы. Зачастую этот процесс связан с построением больших социологических теорий, претендующих на (все) общее объяснение социальной жизни.

Первой фигурой, предложившей социологической общественности общую теорию соотношения нормативных порядков и действий, стал Т. Парсонс. В «Структуре социального действия» он не только пытается выстроить общую теорию социального порядка, но и разбирается с дебатами вокруг проблем понимания и объяснения действия, классифицирует и распределяет аргументы предшествующих социологов между различными полюсами, тем самым создавая первый пантеон классиков социологии. Парсонсу на некоторое время удается создать понимание проблематики соотношения нормативного порядка и действий, ставшее общим для поля (как минимум американской) теоретической социологии.

Но такие периоды относительного спокойствия длятся недолго. Вопросы методологического и эпистемологического рода о харак-

тере исследовательского действия, которое осуществляет социолог, познающий социальную жизнь, поднимаются вновь «партизанами» от социологической мысли.

Парсоновская разметка теоретического поля классической социологии была крайне недолговечной. Уже в 50–70-е годы наряду с работами Парсонса появлялись и публиковались работы социологов, которые не разделяли парсоновские положения и переосмыслили проблему соотношения практических и нормативных порядков (в качестве получивших наибольшую известность авторов можно было бы выделить А. Шюца, И. Гофмана и Г. Гарфинкеля). Пожалуй, одной из наиболее значимых, но при этом до сих пор оставшейся в известной степени незамеченной (по крайней мере, в России) «теоретической вылазкой» против концепции социального порядка Парсонса была работа Питера Уинча «Идея социальной науки и ее отношение к философии».

Уинч предлагает принципиально новый подход к осмыслению нормативных и практических порядков (или правил и действий), основанный на философии позднего Витгенштейна. Он апеллирует в первую очередь к витгенштейнианской проблематике следования правилу и, в особенности, к вопросу установления идентичности двух событий.

> Если положение социального исследователя <...> может в принципе восприниматься как сравнимое — в основных логических чертах — с положением представителя естественных наук [который ищет регулярности и постигает мир в общих понятиях], должно быть верным следующее. Понятия и критерии, в соответствии с которыми социолог судит, *что в двух ситуациях случается та же самая вещь, или происходит одно и то же действие*, должны пониматься в отношении к *правилам*, управляющими социологическим исследованием (Уинч, 1996, 65, курсив мой).

Провокативность тезиса Уинча состоит как раз в том, что он ставит под вопрос саму процедуру определения идентичности явлений на основании «правил, управляющих социологическим исследованием». Если для Парсонса нормативные порядки, которые определяют социальное действие, были в общем виде изоморфны когнитивным порядкам, которые создает социолог-исследователь для упорядочения несвязных без его объяснений событий социальной жизни, то для Уинча последняя строится на основании собственных правил и ее участники вырабатывают свои критерии для определения, что является одним и тем же, а что нет.

Это означает, что в случае, если «социальное исследование как наука» предполагает построение собственных правил, рефлек-

сивно и артикулируемо отличаемых от тех, которые существуют в обыденной жизни (то, как видел социологическое исследование, в частности, Парсонс), то тогда настоящее социальное исследование, по мнению Уинча, должно скорее быть не-научным.

Для него, в отличие от Парсонса, практические порядки не подчинены нормативным. Напротив, сама идея нормативных порядков — или осмысленности правил — становится возможной благодаря свершаемым здесь-и-сейчас идентификациям практических действий. И, несмотря на то, что Уинч не спорит напрямую с Парсонсом, он полностью переворачивает его картинку социального порядка. Значимыми для социологического изучения становятся не нормы и ценности, а обучение идентификации конкретных практик.

Последние дискуссии вокруг проблемы понимания социальных порядков связаны уже не со спором вокруг соотношения нормативных и практических порядков, а с критикой менталистских концепций понимания действий (Dreyfus, 2005 и Dreyfus, 2007, Brownstein, 2010). Именно поэтому самой заметной «партизанской вылазкой» последних лет были инициированные манчестерскими этнометодологами «Дебаты против когнитивизма». В 2008 году под предводительством Рода Уотсона и Джеффа Коултера ряд авторов (Шэррок, Уотсон, Коултер, Рид, Баттон, Деннис и др.) опубликовали свои статьи в специальном номере журнала «Theory, Culture and Society».

Пожалуй, основной целью авторов является продемонстрировать, что социология должна уйти от понимания социальных действий посредством апелляции к ментальным порядкам — законы функционирования сознания и правила совершения когнитивных операций ничего не могут дать нам для понимания практик.

На данный момент сложно говорить, насколько такая очередная «партизанская вылазка» может привести к сколько-нибудь значимым изменениям в социальной теории. Однако уже сейчас мы можем зафиксировать попытки пересмотреть взгляды на методологический и эпистемологический характер понимания и объяснения социальных практик.

В данном номере мы возвращаемся к конститутивным для дисциплины вопросам, которые были поставлены классиками более 100 лет назад, но обсуждение которых до сих пор составляет ядро теоретической работы социологов. Это вопросы о том, как возможен социальный порядок и как соотносятся нормативные порядки и действия, правила и практики.

Номер открывает статья Андрея Корбута, в которой он изучает два социологических решения гоббсовой проблемы порядка: одну из них предложил Т. Парсонс другую — Г. Гарфинкель. Разбирая противостояние между нормативным и ситуативными концепциями

порядка, автор изучает стоящие за ними метафоры («порядок по ту сторону действий» и «порядок в самих действиях») и показывает, почему они несопоставимы, несмотря на то, что в их основе лежит один и тот же гоббсовский вопрос. Немного иначе на проблему социального порядка позволяет посмотреть статья Александра Антоновского «Коллективная рациональность: социальный обмен или дифференциация». Автор видит социальный порядок как эмерджентное свойство коллективной рациональности, которая является следствием дифференциации общества. В статье Павла Степанцова, напротив, предпринимается попытка переопределить вопрос о возможности социального порядка как проблему соотношения правил и практик. Наконец, Иван Напреенко в своей работе предпринимает отважную теоретическую попытку реконструировать аргумент Б. Латура, опираясь на идеи французской семиотической школы и, тем самым, переосмыслить соотношение социальных и природных порядков.

Эмпирический блок состоит, преимущественно, из статей, которые исследуют источники и следствия противостояния различных систем порядков. Так, например, Полина Врублевская изучает соотношение практических порядков (ритуалов) и смысловых порядков в православии на примере обряда венчания. Она показывает, что расхождение между нормами и практиками исполнения ритуала создает на эмпирическом уровне напряжение, которое приводит к искажению религиозного значения ритуала. Лилия Земнухова в статье «Взаимодействие человека и компьютера через призму формальной социологии» изучает напряжение между техническими порядками и порядками человеческих взаимодействий, обращаясь к исследованию взаимодействия человека и компьютера. В качестве общей теоретической рамки, которая способна объяснить их соотношение, она предлагает использовать формальную социологию Г. Зиммеля. Эмпирический блок завершает статья Анны Турчик, которая исследует механизмы достижения взаимопонимания и организацию взаимодействия в ситуациях стандартизированных телефонных интервью. Анна акцентирует внимание на коммуникативных сбоях (сбоях локальных порядков взаимодействия) в процессе интервью, разбирая практические стратегии по поддержанию/прерыванию коммуникации, которые используют интервьюеры и респонденты.

Несмотря на разнообразие тем и интересов авторов, все статьи, собранные в номере, объединяет общий теоретический вопрос — вопрос о том, на каком языке может сейчас социология говорить о проблеме социального порядка. И то, что теоретические языки, на которых написаны статьи в этом номере, имеют мало общего между собой, говорит о конститутивной значимости этого вопроса для любой социологической теории и, в пределе, для любого социологического исследования.